

на второй планъ передъ мыслью о непреходящемъ наслѣдствѣ, оставленномъ великими покойниками. Иное дѣло, когда впечатлѣніе утраты еще свѣжо; день смерти человѣка, еще недавно бывшаго съ нами, является днемъ печали, не оставляющей мѣста для другого настроенія, и никому, конечно, не приходило до сихъ поръ въ голову отмѣчать 22-ое августа чѣмъ-либо инымъ, кромѣ панихиды по Тургеневѣ. Для Пушкина этотъ періодъ прошелъ давно и невозвратно, и мы не видимъ причины, по которой чувство сожалѣнія о преждевременной смерти поэта должно было бы быть болѣе глубокимъ 29-го января 1887-го, чѣмъ оно было 6-го іюня 1880-го, или будетъ 26-го мая 1899-го года, когда исполнится сто лѣтъ со дня рожденія Пушкина.

Незадолго до 29-го января пришло извѣстіе о смерти С. Я. Надсона, самаго симпатичнаго и даровитаго изъ нашихъ молодыхъ поэтовъ. Оно не было неожиданнымъ; жестокая болѣзнь давно уже двигалась къ неизбѣжному исходу; но все же трудно свыкнуться съ мыслью о такомъ раннемъ концѣ, о неисполненіи надеждъ, которыя, по удачному выраженію одного изъ друзей поэта ¹⁾, „становились уже вѣрой“. Короткая жизнь Надсона—ему только-что минуло 24 года—была бѣдна счастьемъ. Онъ испыталъ много потерь и особенно тяжело чувствовалъ, повидимому, одну изъ нихъ; всѣ изданія его стихотвореній посвящены памяти Н. М. Д—ой („не я пишу,—рукой моею, какъ встарь, владѣешь ты, любя“...). Рано начавъ писать, онъ былъ радушно встрѣченъ сначала небольшимъ кружкомъ, потомъ массою читателей; популярный уже въ то время, когда стихотворенія его печатались лишь въ журналахъ, онъ сдѣлался общимъ любимцемъ, какъ только они вышли въ свѣтъ отдѣльной книжкой. Параллельно съ успѣхомъ, или еще быстрѣе, шло, однако, безостановочное паденіе физическихъ силъ. Оставляя, въ 1884 г., военную службу, онъ хотѣлъ, какъ мы слышали, сдѣлаться учителемъ въ сельской начальной школѣ, но здоровье измѣняло ему уже тогда, и ему скоро оказалась не по силамъ даже болѣе легкая литературная работа въ редакціи „Недѣли“. Съ осени 1884 г. онъ больше не можетъ жить въ Петербургѣ и напрасно ищетъ облегченія то на берегахъ Средиземнаго моря, то на югѣ Россіи. Мысль о смерти преслѣдуетъ его задолго до конца; его страшитъ не покой могилы, къ которому онъ иногда рвался въ минуты унынія и безнадежности—ему жаль разстаться съ недосказаннымъ словомъ, съ только-что начатымъ дѣломъ:

„Не за себя скорблю подъ жизненной грозой;
 Не я одинъ погибъ, не находя исхода;
 Скорблю, что я не могъ всей страстью, всей душой
 Служить тебѣ, печаль родимаго народа!..“

¹⁾ См. стихотвореніе г. Круглова: „Памяти С. Я. Надсона“, въ № 20 „Новостей“.